

АНАТОЛИЙ АХУТИН*

ФИЛОСОФИЯ — ЭТО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-302-307.

1. Философия, как и всякое искусное занятие человека, со всех сторон окружено провалами. Музыкант, математик ли — одинаково на каждом шагу рискует непоправимо ошибиться. Философия — мысль строгая, требующая не меньшей точности, но у нее нет ни партитур, ни формул, ни доказательств — только стихия языка и еще менее уловимая стихия мысли. М. Хайдеггер указывает два опасных и почти неизбежных искушения философии: учреждение моно-онто-тео-логической мудрости метафизики (софиологии) и публицистическую торговлю своими мудростями (софистику). Но есть и еще одно интимно свойственное философии искушение — укрывательство в многозначительном молчании философской мистики. Глубина философской мысли измеряется и доказывается открытостью ее ясного высказывания, риторика же намеков на темноту тайны остается риторикой.

2. А. Михайловский прав: вопреки аналитической продуманности основных трудов М. Хайдеггера и педагогической отделке его лекций, риторика и поэтика его эзотерических (наедине с собой) записок напоминают «философскую мистику».

Но сам Хайдеггер относит философскую мистику к кругу *метафизики*. В одном фрагменте, озаглавленном «Мистика», он ясно говорит (Heidegger, 1997: 403):

Всякая мистика — это граница, поставленная метафизикой за и против себя. «Мистика» существует только внутри метафизики, то есть в кругу пространства, внутренне ей присущего; поэтому часто склонны допустить, будто началу западного мышления предшествовал «период» «мистики» [или мифопоэтического мышления, как говорят у нас — А. А.], когда знали на опыте все, что позже метафизика возвысит в понятие. Вернее будет сказать, что мистику

*Ахутин Анатолий Валерианович, к. хим. н., ассоциированный член Центра европейских гуманитарных исследований (Киев, Украина), akhutin@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9391-1337.

**© Ахутин, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

проектируют из метафизики. В этом историко-метафизическая роль неоплатонизма, мистики Средних веков, мистики той эпохи, когда разворачивалась метафизика Нового времени, и вновь в романтизме: у Новалиса, Баадера, в двусмысленных набросках Шеллинга, в его позитивной и негативно философии. Поскольку же в бытийно-историческом выяснении истины бытия метафизика преодолена как таковая и отклонена возможность применения метафизических понятий, метафизику спасают обходным путем, называя бытийно-историческое мышление «мистическим».

Образец того, как философия впадает в мистику, это — Хайдеггер прав — неоплатонизм. Здесь уже присутствуют «фундаментальные константы» мистической «жизнемысли»: *уединенность* (бегство единого к единому), *собранность*, *молчание*, *innigkeit...*

Хайдеггер это понимает, поэтому его «инициатива» («новое начало») другая: он видит основную задачу своей мысли как раз в строгой *Aus-einander-setzung* между «философской мистикой» и его бытийно-историческим мышлением. Насколько, стало быть, трактовка А. Михайловского может считаться вполне корректной, настолько желаемое размежевание удастся Хайдеггеру не вполне. И правда, именно это искушение особо прельщающе для самого Хайдеггера. Именно мистицизм бытийно-исторического мышления вовлек его в роковое событие национал-социалистической революции, и в том же мистическом молчании Хайдеггер укрывался до конца.

Вопрос же, выходящий за рамки судьбы профессора Хайдеггера, относится к этому искушению, соблазну, присущему самой философии. Вопрос, во что, как и почему *впал* Хайдеггер, философски важен, поскольку сказавшееся им и в нем присуще философии: «философская мистика» — это ее собственные искушение и соблазн. А. Михайловский совершенно прав, говоря, что «мистический» оборот философии столь же древен, сколь и сама философия. В чем тут «инициатива» Хайдеггера, не очень понятно.

3. Универсальная фигура, выявляющая этот искувательный топос, такова.

То, что служит основанием некоей системы, в самой системе не обосновывается. (*Ab-grund als Not der Gründung* (Heidegger, 1997: 11) — *безосновность как нужда основывания*.) Обоснование первооснования на границе с безосновностью — это и есть парадоксальное место и дело философии. Тут ее изначальная апория, теснина, охраняемая сциллой тавтологии и харибдой провала в бесконечность.

Платон: если знание есть *истинное мнение с логосом* (обоснованием, складом, механизмом), то *простые* элементы логоса не могут стать знанием. Истинность обосновываемого мнения повисает в воздухе. *Аристотель*: всякое доказательное знание базируется на знании первоначал, которые не могут быть доказаны. Начала — не логические проблемы аподиктических *эпистем*, а загадочные интуиции философского *ума* (*νοῦς*).

Такого рода логические парадоксы мы найдем у Декарта, Канта, Гегеля, Гуссерля... — у всех озадаченных вопросом *первой философии*, обоснованием первичности первоначала. Повисая над бездной в такого рода апориях и нуждаясь в основоустройстве, мысль хватается за традицию, какую-нибудь естественную очевидность, конвенцию, практику или — вот — прячет свои концы в мистическом умолкании. Место онто-логической *апоретики* занимает мистическая *сигетика*.

4. Истина, толкуемая как адекватность, предполагает основание для со-поставления мысли и мыслимого, *схему* истинности. Событие *истинствования* схватывается метафизикой как определенная идея онто-логического *тождества* (*ratio essendi et ratio cognoscendi*). Например, форма — основание бытия, определение — основание знания в античности; в основании томистской «адекватности» лежит истинствование мира в мыслях Творца. «*Veritas consistit in adaequatione intellectus et rei* (*истина состоит в адекватности интеллекта и вещи*)» — это только половина определения, другая —

sed quando intellectus est regula vel mensura rerum, veritas consistit in hoc, quod res adaequantur intellectui, sicut dicitur artifex facere verum opus quando concordat arti (*но когда интеллект есть правило и мера вещей, истина состоит в том, что вещь адекватна интеллекту, так, о мастере говорят, что он сделал истинную вещь, если та соответствует искусству*) (Th. Vol. 1. Qu. 21, art. 2, resp.);

совпадение «порядка и связи вещей (причинности) с порядком и связью идей (логического следования)» лежит в метафизическом основании наук Нового времени... Это ана-логичные, но *разные* истинствования, поскольку предполагают разные смыслы онто-логического тождества.

На месте классического (метафизического) тождества мышления и бытия у Хайдеггера — своего рода сокровенное *взаимодарение* бытия и понимания, «понимание бытия» (*das Seinsverständnis*) — всегда-уже-понимание, имеющее априорную силу бытия, и / или бытие, всегда-еще только понимаемое, возможное, имеющее быть. Откуда и каким образом

истинствуется истина, как она схватывается, как определяется смысл онтологического тождества — все это для метафизики остается в потемках, которые ее онтология хочет устранить. Тут царит парменидовская Анаanke со своим строгим или-или: чистый свет бытия или беспросветная ночь небытия. Ясная тавтология или молчание.

Хайдеггер делает шаг назад и возвращается в потемки. Он имеет в виду не полуденную ясность, а сумеречный рассвет начинания — просвет в потемках. На удачу греческое слово ἀλήθεια именно это и говорит — *несокрываемость*. Тут и глагол подходящий есть: ἀληθεύειν — *истинствоваться*. Если так, истина с самого начала понимается не как «естественный (или божественный) свет», раз и навсегда наставший, отделенный от тьмы, а как противоборство, полемос между сокрытием и раскрытием, сказыванием и умалчиванием. Это *событие*. Истинность истинного не *есть*, а *происходит* как событие. Просвет истины уделяется как исторический удел, ниспосылается как историческая судьба, и слышащие ее зов послушно вручают себя ее властному истинствованию. Правда, одновременно ведь вручают себя и потемкам, бездне безосновности. В преданности мыслителя истинствованию бытия судьба совпадает со свободой (Heidegger, 1997: 189), так что в собственной поэтической игре можно безосновно основывать разные «земли», «отечества», «народы», «государства», а затем обрекать себя на них от имени самого бытия. Все, что в метафизике было *там* (ἐπέκεινα), укореняется *здесь* (Да) и обретает сверхчеловеческое могущество.

5. В заключение несколько слов ИМНО, поневоле декларативных.

Нет ничего более противоположного духу и смыслу философии, чем аутизм элитной эзотерической секты. Да, в истоках философии, в ее средоточии и тайна, и Гераклитовы загадки, и умолкание разговорчивого Сократа в амехании «каменной задумчивости», и «ученое незнание» Кузанского, и касательство бездонного... Но ее честный труд и подвиг в том, чтобы λόγον δίδοναι — *дать отчет, ответ*. Философия — это попытка человека быть предельно ответственным, держать ответ перед людьми и богами за свою мысль, слово и дело. Да, мысль, по слову Платона, есть молчаливый разговор души с самой собой — разговор, каждый раз снова возвращающийся в молчание. Но и будучи внутренним, этот разговор с другим во мне, потому он и может развернуться в открытом диалоге с другими. Здесь перед лицом другого не разбалтывают тайны, а обнаруживают собственные замалчиваемые и утаиваемые от себя секреты — тайные пристрастия и комплексы, случайные недо-разумения, закоренелые пред-рассудки и само-собой-разумеемости. Загадочную *сигетику*

Парменида «Парменид» Платона внятно артикулирует как скрупулезную логическую *апоретику*. Там, где умолкает Платон, Аристотель, «спасая истину от своих», тщательно различает многозначности, двусмысленности и лукавства языка. Философия, свернутая в поэтическом полемосе Гераклитовых гном, развертывается в полемику разных философских умов. Амехания, постигающая мысль в логических апориях, оказывается полем нешуточной «борьбы гигантов о бытии».

Хайдеггер всю сотню своих томов участвует в этой «гигантомании», где истина держится полемосом разноместных и разновременных истинствований. Войти в истинствование современного мира — значит умудриться принять участие в этой всемирно-исторической полемике (*Zwiesprache zu halten*), суметь расположить свое перед лицом различных других (*aus-ein-ander zu setzen*) — всем умом, всем существом, всю истинною других. Или же укрыться в молчаливом эзотерическом единомыслии со своими.

СОКРАЩЕНИЯ

Th *Thomas Aquinas*. *Summa Theologiae* / 2000–2013 Fundación Tomás de Aquino. — URL: <http://www.corpusthomicum.org/> (visited on Nov. 25, 2017).

ЛИТЕРАТУРА

Heidegger M. Abteilung : Unveröffentlichte Abhandlungen. Vorträge — Gedachtes. Bd. 66 / hrsg. von F.-W. von Herrmann. — Frankfurt am Main : Klostermann, 1997.

Akhutin, A. V. 2022. “Filosofiya — eto otvet-stvennost’ [Philosophy is Responsibility]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 302–307.

ANATOLIY AKHUTIN

PHD IN CHEMISTRY; ASSOCIATED MEMBER

THE EUROPEAN HUMANITIES RESEARCH CENTRE (KIEV, UKRAINE); ORCID: 0000-0001-9391-1337

PHILOSOPHY IS RESPONSIBILITY

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-302-307.

REFERENCES

- Heidegger, M. 1997. *Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen. Vorträge — Gedachtes* [in German]. Ed. by F.-W. von Herrmann. Vol. 66. Frankfurt am Main: Klostermann.
- Thomas Aquinas. 2017. “Summa Theologiae” [in Latin]. 2000–2013 Fundación Tomás de Aquino. Accessed Nov. 25. <http://www.corpusthomicum.org/>.